

Фань Цзянь наморщил лоб и отставил фруктовое пюре, которое держал в руках, словно подозревая, что эта чуть тёплая чашка обожжёт ему руки.

— Я не оправдываю госпожу Лю. Пусть люди, которых она нашла, внешне слушались её приказов, однако на деле они подчинялись тому человеку из императорского дворца. Госпоже Лю в этих событиях досталась роль козла отпущения.

Фань Сянь нахмурился и спросил:

— Кто это во дворце желает мне смерти? И почему? Неужели они уже давно знают, что я сын главы Дома Е?

— Конечно, не знают! — Фань Цзянь, сам не понимая почему необычайно разволновавшись, правой рукой крепко сжал подлокотник кресла. — Из тех, кто осведомлён об этом, никто не желает тебе зла. Если кто и хочет тебе навредить, то точно не по этой причине.

«Неужто во всей столице никогда никто не знал об отношениях между отцом и матушкой? Если бы кто-то прознал о связи отца с Домом Е, почему бы не заподозрить, что внебрачный сын одновременно ребёнок главы Дома Е?»

Фань Сянь, в подозрениях обдумывая этот вопрос, с замиранием сердца заметил, что он вызывает некоторые более важные вопросы, но всё не смел открыть рот, так что оставил эти мысли и спросил о другом:

— Так по какой тогда причине? Четыре года назад я был всего лишь двенадцатилетним мальчиком в далёком Даньчжоу и вроде вовсе не имел никакого отношения к столичным делам.

— Четыре года назад его величество ещё и сделал барышню Линь своей приёмной дочерью и распорядился об её браке как принцессы. Его величество как раз тогда решил, что в будущем ты станешь управлять императорским предприятием, и как раз тогда тебя впервые упомянули во дворце. В глазах этих людей двенадцатилетний мальчик обрёл сокровище, которое не мог удержать, подумай, что бы они предпочли?

— Предпочли ловко и аккуратно убить меня.

— Контрольная палата расследовала четыре года и в основном всё выяснила, но доказательств у них, к сожалению, нет, воздействовать на этих людей никак не получится.

Фань Сянь рассмеялся:

— Даже если бы нашлись доказательства, боюсь, всё равно ничего нельзя было бы поделать. В конце концов, Контрольная палата — подданные, а те люди — хозяева.

Фань Цзянь покивал головой.

— Кто хочет меня убить?

— Императрица и старшая принцесса, — Фань Цзянь улыбнулся. — Но поскольку ты уже спокойно повзрослел, да ещё и прибыл в столицу, думаю, даже с дополнительной долей храбрости они не возьмутся за тебя, опасаясь разгневать его величество.

Фань Сянь сказал печально:

— Вы слишком оптимистичны. Даже если меня убьют, разве его величество сделает что-нибудь со своей женой и с младшей сестрой?

Фань Цзянь не ответил и заговорил о другом:

— В ближайшее время принц Цзинван обязательно найдёт способ сблизиться с тобой, да ещё и придумает, как тебе увидаться со вторым принцем. Действуй осторожно.

Фань Сянь согласился, понимая, что каждое из главных семейств столицы обязано, добровольно или нет, высказать свою позицию в этом вопросе. Борьба принцев за право наследования Поднебесной хотя и представляла собой, казалось, банальный балаган, но что в том мире, что в этом репертуар его не менялся. Стоит только раздвинуть этот плотный занавес, как прячущиеся за ним актёры тут же один за другим повалят на сцену, кто с острым мечом, кто с острым языком, и будут играть для других и для себя. Желание семьи Фань сохранять нейтралитет и крепко придерживаться его величества, кажется, требовало огромных усилий.

Глубокой ночью Фань Цзянь в одиночестве сидел в кресле и ел уже остывшее фруктовое пюре, думая о последних словах Фань Сяня. Вспомнив об уплаченной им когда-то жестокой цене, он непроизвольно дёрнул уголок рта, вызывая в памяти ещё и ужасающие картины Кровавого месяца в столице. Как глухой безлюдной ночью отец императрицы трясся от страха под его мечом, и как отсеченная одним ударом голова покатилась кувырком. Будто при воспоминании о том звуке, на губах Фань Цзяня всплыла еле заметная ласковая улыбка.

В следующие дни Фань Сянь чувствовал себя очень непринуждённо. Он каждый день в поместье наслаждался обхождением, полагающимся молодому господину. Иногда он ускользал на улицу Дунчуань, чтобы посмотреть, на каком этапе сейчас обустройство книжной лавки. Отношения с приказчиком, тоже носившим фамилию Е, постепенно теплели. Дела шли успешно, поэтому гость поместья господин Цуй вернулся в свиту графа Сынаня. Через день по

вечерам Фань Сянь пробирался в императорское поместье и знакомым способом перелезал через стену, но теперь окно к его приходу никто не закрывал, и барышня с куриной ножкой всегда молча ждала его.

Причиной, по которой он часто ходил туда, была не любовь и страсть, а болезнь Линь Вань'эр, лечение которой нельзя было дальше откладывать. Люди императорской семьи все сплошь были чурбанами, но к счастью, дворцовые лекари получили от графа Сынаня прошедшую неизвестно через сколько рук взятку и подтвердили, что немного жирной пищи пойдёт на пользу здоровью принцессы.

Фань Сянь часто приходил туда, чтобы передать еду, а также собственноручно приготовленные пилюли. Поскольку он опасался несовместимости с лекарствами, прописанными дворцовыми лекарями, то использовал снадобья очень умеренно. Ещё он приносил множество вкусняшек, чтобы доставить удовольствие своей невесте, которая день объедалась, день ела понемногу. Так прошло какое-то время, и здоровье Линь Вань'эр заметно окрепло, на лице стало больше румянца, но не того нездорового, что раньше, тело её тоже стало не таким худым и щёки округлились.

Линь Вань'эр беспокоилась, что потолстела, но Фань Сянь всё же безгранично восхищался, думая, как после свадьбы сможет каждый день тискать свою самую любимую, по-детски пухленькую красавицу-жену.

Охрана императорского поместья была всё-таки несколько нерадивой, кроме того, Фань Сянь в Даньчжоу обучался у У Чжу умению лазить по стенам, поэтому никто так и не заметил, что он ночь за ночью тайно проникает внутрь и приносит лекарства. Хотя всё ещё не было способа излечить корень болезни Линь Вань'эр, Фань Сянь рассчитывал дождаться возвращения Фэй Цзе и тогда посмотреть. А если и это не поможет, то после свадьбы он хотел найти возможность уехать из столицы и поселиться в загородном поместье семьи Фань, что в горах Цаншань, которое очень подходило для выздоровления.

По прошествии нескольких ночных встреч эти неженатые супруги узнали друг друга гораздо лучше. Неизвестно почему, влюбившись с первого взгляда в храме Цин, эти двое тут же почувствовали, что у них много общего: возможно, внешность, а возможно и характер, или, может, взгляд на вещи. Это душевное родство заставило влюблённых Фань Сяня и Вань'эр отчётливо ощутить, как прекрасно будет рука об руку дожить до старости. Из незнакомых раньше юноши и девушки они за короткое время превратились в пару, где каждый может по одному взгляду уловить мысли другого.

Глядя Фань Сяню в лицо, Линь Вань'эр вдруг печально спросила:

— Ты каждый день используешь это благовоние, чтобы усыпить Сыци, если долго пользоваться им, не принесёт ли это вреда?

Фань Сянь успокоил её:

— Я же в первый раз говорил, это благовоние действует на человека только положительно.

Линь Вань'эр вспомнила, как он в тот день ощупью пробирался в окно, невольно прыснула смехом:

— А если бы я тебя тогда приняла за насильника и убила, что бы ты делал?

Фань Сянь с усмешкой потянул её за руку:

— Ичунь, пожалуй, кое о чём ты должна узнать.

Линь Вань'эр услышала, как он назвал её по детскому имени, и немного смущённо спросила:

— О чём?

— М-м... Если ты захочешь убить меня, навскидку, это будет очень трудно, — Фань Сянь хихикнул и продолжил: — Я с детства учился у очень серьёзного человека, так что в душе я не какой-то там книжный червь, наоборот, больше похож на головореза.

Линь Вань'эр вздохнула:

— Понятно. Если бы ты не был головорезом, ты не смог бы посреди улицы избить сына министра Го, да ещё поднять скандал до небес, так что до сих пор тебе запрещено покидать столицу.

По сути, дело об избиении Го Баокуня до сих пор не разрешилось. Обе стороны не уступали в борьбе, поэтому столичная управа сдалась и выкинула белый флаг, передав дело в министерство наказаний с вердиктом «Обстоятельства сложные, расследовать невозможно». На самом деле обстоятельства этого дела действительно были трудноватыми, но если бы кто на самом деле захотел расследовать, достаточно было бы схватить нескольких охранников, с которыми Фань Сянь слонялся без дела по столичным улицам, и подвергнуть пытке: всё тут же прояснилось бы. Однако загвоздка была в том, что обе семьи, участвующие в судебном процессе, были непростого происхождения, так что обстоятельства дела, естественно, начали усложняться.

Это была кривая дорожка, но она же была и торной дорогой в чиновничьих кругах. Дело, переданное в министерство наказаний, теперь становилось их головной болью, и сейчас они готовили прошение во дворец о приказе Контрольной палаты разобраться с ним. Хотя судебные дела о нарушении общественного порядка не должны были входить в сферу деятельности Контрольной палаты, но обе стороны всё-таки из чиновников, а обязанностью Контрольной палаты было надзирать за чиновниками, поэтому это оказалось приемлемо: все столичные официальные лица знали, что глава Контрольной палаты ни во что не ставит любых чиновников и знать.

Так что семья Го сейчас ждала, пока Контрольная палата начнёт расследование, и неизвестно почему, Фань Сянь тоже ждал этого дня. Имея на руках жетон, который оставил ему Фэй Цзе, он мог не бояться чудовищ из Контрольной палаты.

В тишине ночи Фань Сянь ненадолго задумался о своём, а затем успокоил Линь Вань'эр:

— Не стоит беспокойства, это дело через несколько дней само собой уляжется.

Вдруг он подумал о матери девушки, сидящей перед ним. Четыре года назад она уже пыталась убить его. Он невольно нахмурился.

Линь Вань'эр, отличающаяся проницательностью, заметив его настроение, спросила:

— В последнее время у тебя трудности, да?

Фань Сянь взглянул на её красивое, как картинка, лицо и сказал со вздохом:

— Если в будущем... между мной и старшей принцессой будут разногласия, боюсь, ты окажешься в затруднительном положении и это ранит твои чувства.

Линь Вань'эр улыбнулась:

— Зачем заранее думать о том, что ещё не произошло? Я с детства болею, кажется, просто живу, считая дни, и никогда не знаю, в какой день покину этот мир. Поэтому мне совершенно не нравится обдумывать страшные дела, которые ещё не произошли.

Фань Сянь вздохнул и, охваченный любовью и жалостью, сгрёб её в объятия. Он чувствовал аромат её волос и не мог перестать думать: «Я понимаю твои чувства, потому что у меня с тобой уже одна судьба».

Он запечатлел поцелуй на её устах.

— М-м... Вань'эр, ты такая мягкая.

— Ты... ты несколько дней назад принёс подушку, её-то ты и тискаешь.

Фань Сяню очень нравилось ощущение от тайных ночных свиданий в девичьей спальне, это было словно завести любовницу, но не оставляло такого тягостного следа на душе. Если бы ему было позволено, он прожил бы так и дальше, по крайней мере до свадьбы. У него не так уж много дел, о которых надо беспокоиться, и он мог бы жить в столице счастливой жизнью — до отъезда из Даньчжоу это казалось чем-то невозможным.

Жаль, не всё подчиняется человеческой воле, всегда наступает день, когда спокойной жизни приходит конец... В такой день после обеда принц Цзинван с официальным визитом пожаловал в поместье Фань. Госпожа Лю поспешила ему навстречу и почтительно поприветствовала его, пригласив затем в гостиную на чай.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/1504335>